

ГЛЕБ ЖОГА

ДО ДВИЖЕНИЯ

ПИСЬМА
РУССКО
ГОПУТЕ
ШЕСТВЕ
ННИКА

030

Новое
Литературное
Обозрение

Письма русского путешественника

Глеб Жога

До движения (сборник)

«НЛО»

2018

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=411.2)6

Жога Г.

До движения (сборник) / Г. Жога — «НЛО», 2018 — (Письма русского путешественника)

ISBN 978-5-4448-1026-2

Сборник «До движения» состоит из двух частей. Тексты первой части – заметки, наблюдения и рассуждения, вынесенные автором из поездок по родному Уралу, центральной России, Европе, Прибалтике, Кавказу, Америке, Израилю. Взгляд молодого путешественника скачет с объекта на объект, с события на событие; он одинаково внимателен ко всему – и к великому, и к мелочам: летний шторм на курортной Адриатике и зимний – на безлюдной Балтике, музейные собрания мастеров Возрождения и общественные прачечные в эмигрантских районах на Диком Западе, религиозные толпы в Иерусалиме и туристические – в Ватикане, детские сады в Тарту и секретный ход на колокольню в Кунгуре... Иногда автор вступает в диалоги: с местными жителями и с такими же, как он сам, чужаками, с собаками и птицами, с ветром, морем и горизонтом. Тематика второй части шире: здесь автор уже путешествует по личной и семейной памяти, рассуждает о детстве и взрослении, о профессии и призвании, о своем поколении – людях, родившихся в позднем СССР и росших в 1990-е – и его судьбах. И в той же меланхолично-рефлексивной тональности – о карандашах, велосипедах, чайниках, кофемолках и прочих подвернувшихся под руку примечательных пустяках.

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=411.2)6

ISBN 978-5-4448-1026-2

© Жога Г., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Часть 1	7
Гефсимания	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глеб Жога

До движения. Эссе

© Жога Гл., 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

Часть 1

Гефсимания

Толпа стала совсем плотной. Идти сложно.

Сначала люди вокруг были разные: бледнолицые туристы с заложенными пальцем путешественниками – они в основном шли нам навстречу; местные обгоняли нас скорым шагом и удалялись в противоположную от центра сторону. Но чем дальше мы продвигались по Дороге Львиных ворот, тем однороднее становилась толпа: этнический состав – арабы, направление движения – к воротам, на выход из Старого города.

Нам туда же.

Толпа возбуждена: то тут, то там что-то выкрикивают, раздаются яростные возгласы. Эпицентр этого возбуждения в стороне: речовки и скандирования доносятся откуда-то слева. Происходящего нам не видно, но именно оттуда по узким переулкам плещутся бурлящие людские потоки, вливаясь в русло Дороги.

За базиликой Св. Анны улица сужается, толпа превращается в толчею. У входа в это горлышко стоит патруль – трое забранных в кевлар бойцов с автоматическим оружием и снаряженный полегче командир. Бойцы не шелохнутся, стоят как каменные, а старший пристально вглядывается в бегущий людской поток, чуть раскачиваясь и перенося вес корпуса с ноги на ногу.

Пока есть возможность, мы отскакиваем вправо – на ступеньки какого-то мемориала. Оглядываемся – сбежать отсюда не удастся: против течения толпы уже не подняться, протискиваться дальше к воротам через давку страшно. Напротив нас базилика – спрятаться в ней, переждать? Но чтобы дойти до двери в каменном ограждении, готовом выдержать атаку бронемашин, надо пересечь арабский поток поперек. Успех этого форсирования сомнителен: Дорога широкая, людская река бурная. К тому же ведущая в церковный двор кованая-клепаная дверь не выглядит открытой. Если мы и доберемся до нее, а войти не сможем, то нас разотрут по стене и увлекут в самую давку.

Стоим на ступеньках. Вообще-то здесь нас никто не трогает, ну не в Анне, так, может, тут переждем – должна же эта толпа когда-нибудь схлынуть! О! У нас есть местная симка с интернетом! Спасибо Ване. Давай-ка погуглим, что тут происходит, глядишь, разберемся, как лучше эвакуироваться.

Где-то на севере Старого города, у Дамасских ворот, араб с ножом напал на двух евреев-полицейских – один получил ранение, второй сумел обезвредить нападающего. «Обезвредить» – это значит «убить»? Или «связать»? В любом случае по местным меркам все это – мелкая провокация, такой толпы она поднять не смогла бы. Значит, дело в другом. Но ни в русско-, ни в англоязычном интернете больше ни о каких происшествиях в Иерусалиме не пишут.

* * *

Это путешествие мы начали на севере страны – в Галилее, на озере Кинерет. Путь туда был долгим. В аэропорт Тель-Авива мы прилетели уже во второй половине дня. Там нас встретил Ваня: напоил кофе с десертами, выдал подключенную местную симку (чтобы воткнуть ее в телефон, я дважды бегал в аэропортовскую часовую лавку просить иглу и плоскую отверточку), повторно проинструктировал, как добраться до Тверии.

Поехали: сначала поездом до Хайфы. Когда вышли, уже стемнело. В переполненном торговом центре (он же ж/д станция) купили на перекус лепешек с курицей и огурцами.

«На автобусы – это туда», – местный махнул рукой в сторону дальнего угла уже совсем темной площади. Хорошо, идем туда. Рамка досмотра – в Израиле они на каждом шагу: надо не только через рамку пройти, но и все сумки вывернуть. А у нас два рюкзака, чемодан, наплечный бэг и мешочек с лепешками. Я задергался, не понимая, что из поклажи первым поднять на стол для досмотра.

– Ребят, вы откуда? – по-русски обратился щуплый рыжий дядька средних лет с лопаткой-металлоискателем в руке.

– Из Екатеринбурга!

– Это Свердловска, что ли? А, ну-ну. В гости к кому?

– Нет, просто в отпуск на Кинерет.

– И где жить собираетесь?

– В Тверии, в гостинице.

– А, ну правильно, да, там пока недорого. Ладно, проходите давайте. Вам вон на ту площадку.

Платформа совсем пустая. Ждали долго. Поели. Достали из чемодана куртки: ночью опускается холод. Наконец на остановку стали подтягиваться потенциальные пассажиры.

А вот и автобус. Усталость уже немалая, но мне не спалось, да и остановки стоит отслеживать: не успел выскочить – твои проблемы. Оказаться среди ночи не в том израильском городке совсем не хотелось. За окнами непроглядная ближневосточная темень; я достал наушники, включил плеер и провалился в уют The Whitest Boy Alive.

Тверия. Несколько минут мы гроыхали чемоданными колесами по улицам пустого в несезон ночного курортного города – и вот наша гостиничка. Номерок крохотный, но не в нем же сидеть мы сюда приехали! Маленькое пиво, душ – теперь уж никакой бессонницы.

План был такой: взять в Тверии велосипеды напрокат и за световой день объехать вокруг Кинерета. Его хоть и зовут морем Галилейским, периметр у него (если считать по автодороге) не более 60 километров, что для велопрогулки на неродном велосипеде немало, но все же совсем не критично. Главный (а по сути единственный) контраргумент – восточный берег Кинерета относится к Голанским высотам, спорной территории; но вокруг озера тихо – до Сирии от берега далеко, так что опасность эта формальная. Правда, накануне выезда я наткнулся на видеоролик некоего путешественника о его велопрогулке вокруг Кинерета. Ох, и тяжело она ему далась: он умудрился грохнуть, потом где-то зацепился и разорвал в клочья штаны, да и исполнял он это все в начале израильского лета – по местным меркам совсем не пёкло, но для европейца все равно жарыща тяжкая... Но ведь мы не такие растяпы! И сезон сейчас куда более подходящий; так что, думал я, управимся если не к обеду, то к раннему ужину.

Велопрокатов в Тверии много, один из них – в соседнем с нашей гостиничкой отеле; судя по сайту, технику сдают пристойную. Мы пришли к самому открытию, нас встретил бодрый надушенный парень лет сорока (может, меньше – я плохо разбираю возраст южан с первого взгляда). Я списался с ним заранее, так что лишних вопросов он не задавал: выдал нам уже подготовленные горные велосипеды, тросы с замками и каски (в Израиле без них нельзя).

– Куда поедете? На юг, на Иордан, или на север? Вот карта – возьмите, на ней все достопримечательности отмечены.

– Да я вообще-то вокруг всего Кинерета хотел.

– Вокруг? Хм...

– А что, на территории не пустят?

– Да пусть. Вы же туристы, европейцы – без проблем. Только... Короче, вот визитка проката, вот на ней телефон – это мой. У вас есть местная симка? Хорошо. Если вдруг что-то случится – скажем, велосипед сломался или просто устали, – звоните, у меня пикап, приеду и заберу и вас, и велосипеды. Не стесняйтесь и не медлите: это бесплатно, точнее, уже включено в стоимость аренды. Удачи, хорошего дня!

Мы отрегулировали высоту сидений и ремешки на касках и направились по улице Хабаним на север – на выход из города. После дня, проведенного во всевозможных видах общественного транспорта, педалировать на смазанном велосипеде было чистой радостью. У площади Скотит нас обогнали два огромных туристических автобуса. Глупцы! Такой день погожий задается – тепло, не жарко, слева – мягкие зеленые холмы, справа – голубое озеро в дымке, а они сидят под кондиционерами за тонированными окнами.

Вот что я не учел: ландшафт. Местность вокруг Кинерета холмистая (как минимум там, что на север от Тверии), автодорога по этим холмам закладывает размашистые петли, на велосипеде их преодолевать небыстро.

Прошло совсем немного времени в пути, и захотелось перекусить. Завтрак был плотным, но разогнанный велопрогулкой метаболизм давал о себе знать. Очень кстати подвернулся торговый центр //Galileo: пока Тина ходила в гастроном за перекусом, я с велами сидел в пустующей открытой торговой галерее и изучал карту. Вот это да! От города мы отъехали всего на шесть километров!

Поедим прямо тут? Или попробуем на самый берег? Это может оказаться непросто: в Израиле все везде огораживают. Однако дорожка, что начиналась сразу за магазином, выглядела свободной; так и есть – по ней мы без труда дошли до воды вдоль забора оливкового сада. Берег чуть болотистый, но чистый; кругом заросли ползучей пустотелой травы, стебли, как у тростника, по два метра. На мелком речном песке россыпи белых ракушек, хрупких и колючих.

Хумус, лепешки, помидоры, сыр, бананы; эх, зря рыбу не вспомнили купить – было бы совсем символично! Пока жевали, Тина свободной рукой все перебирала перламутровые раковины, восхищаясь их количеству – щедрое оно, море Галилейское! А мое внимание привлек лежащий на боку в траве небольшой лодочный якорь – старый и ржавый. Разве это заслуженный отдых? Я взял его и поставил к заваленным на бок велосипедам, ходил вокруг, приглядывался... А потом забросил в воду метров на 10–15 от берега. Не знаю зачем.

Мы одолели крутой подъем. За ним внизу виднелась Табха – густой зеленый монастырский сад с невысокими раскидистыми деревьями. У входа стоят те два экскурсионных автобуса, что обогнали нас в Тверии. Мы скатились с Холма, пристегнули велосипеды к ограде и нырнули в зелень.

Монастырь бенедиктинский, в центре сада – церковь Умножения хлебов и рыб. Первого умножения:

«Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: Здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел. И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели» (Ин. 6:8–13).

Это было здесь. Ну бенедиктинцы так говорят.

Храм совсем новодельный – начала 80-х, но первая церковь была возведена еще в IV веке, потом ее перестроили лет сто спустя – осколки мозаик тех времен живы до сих пор. Ниже, у самой воды, – церковь первенства апостола Петра.

«Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своем из мертвых. Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих. Еще говорит ему в другой раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих. Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: “любишь ли Меня?”, и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих» (Ин. 21:14–17).

Этот храм францисканский, построен в 1933 году. Как им это удалось? До израильской войны за независимость в 1947–1949 годах по берегам Кинерета были арабские деревни...

Мы спустились к озеру, вволю нафоткались, возвратились в сад, освежились в уборной, пополнили запасы питьевой воды и уселись на скамейку – дать отдых спине и поразглядывать экскурсантов из тех автобусов.

Африканцы (эфиопы?). Крупные, костлявые – движения у них, на европейский взгляд, неуклюжие. Одеты по-разному: кто-то на международный лад, кто-то – в длинных ярких цветастых балахонах. У каждого отличительный знак своей тургруппы – шарф или кепка. Групп, как и автобусов, две: у одной кепочки золотисто-желтые, у другой – сиренево-фиолетовые. Ходят эти негры степенно, даже важно: наверное, это не рядовые граждане, должно быть, в своем обществе они стоят высоко. Точно выше, чем я в своем.

Мы вышли из сада: уже порядочно за полдень, а от Тверии мы отъехали всего на 13–14 километров. Стало ясно, что за остаток дня еще 45, чтобы замкнуть кольцо вокруг озера, мы не одолеем. Раз так, то решили не усердствовать в покорении дорог, а лучше забраться на гору – ту самую.

«Увидев народ, Он взшел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:...» (Мф. 5:1–2).

Хотя которая – та самая? Уж гор тут предостаточно. Да и раскопки показывали останки древних святилищ на разных холмах. На одном из них – современный храм, церковь Блаженств. Она построена в конце 1930-х архитектором Антонио Барлуцци. Финансировал стройку лично Муссолини, а иные поговаривают, что и Гитлер в этом мероприятии поучаствовал. Сейчас церковь под патронатом Итальянского миссионерского общества.

«И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6:5–8).

Мы оставили велосипеды прикованными и потопали на гору. Казалось, идти недалеко: церковь снизу хорошо видно, по карте расстояние ровно километр, но карабкались мы долго.

Солнце в середине дня все равно жаркое, хоть и зима на дворе, – сняли и приторочили к рюкзаку каски; я стянул рубашку и остался в одной майке.

Кругом фермы, плантации, цитрусовые и банановые в основном. Территории у Израиля мало, а в Галилее земля особенно плодородная – осваивают ее с максимальной эффективностью. Вообще красота тут – зелень, простор, внизу чуть парит зеркало озера. Хочется петь.

Поднялись – монастырь закрыт! Ха, на календаре 24 декабря. Видать, все отбыли для получения дальнейших распоряжений. Мы походили вокруг высокого забора, позаглядывали внутрь – там, должно быть, очень красиво, особенно вид вниз, на Кинерет. Сели у запертых ворот, доели остававшийся провиант, глядя на зады бананового хозяйства: маленький старый трактор расточал аромат солярки, нехитрые стройматериалы приготовлены к работе...

«Sapharnaum. The Town of Jesus» – на въезде в музей под открытым небом. Всего пара километров от Табхи – здесь все близко. Мы снова пристегнули велы, купили билеты и направились к раскопанным руинам.

Ничего себе рыбацкая деревушка! Дома базальтовые, улицы мощеные – преуспевающий моногород на взлете ценовой конъюнктуры!

Отсюда вышли первые, самый – Андрей. А вот здесь был дом его брата; теперь над руинами на столбах висит летающая тарелка – современная католическая архитектура. Очень классная, по-моему. «San Pedro!... San Pedro!» – размахивающий руками гид что-то рассказывал группе латиноамериканцев. Тина осталась подслушивать экскурсию, а я, не разумеющий испанского, поднялся исследовать инопланетную церковь.

Белая синагога – величественное сооружение в римском стиле. Да, нехилая община была у рыбаков! В такой не стыдно начинать карьеру. Хотя Белая-то построена веке в третьем на месте той самой. Но, думаю, и она хороша была: здесь все крепкое и основательное.

А вот и наши африканцы подросли. Да, конечно, могу вас сфотографировать... На каком фоне? Ах, с нами хотите сфотографироваться?! Ну, можно, наверное... (Мы растрепанные и раскрасневшиеся от велодня под ярким солнцем). Да-да, и друга вашего зовите, можно-можно. (Английский у них грамотный, правильный.)

Напоследок уселись у самой кромки озера: каменные лавочки, тенистые деревья, лапастые суккуленты. Чудесный тихий вечер: так бы и сидеть здесь у воды, смотреть, как солнце катится за холмы... Но надо ехать: хочется самостоятельно вернуться в Тверию, успеть к закрытию проката.

* * *

Людская река не мелеет – сотни возбужденных арабских лиц. Долго нам еще стоять на этих ступенях? Того и гляди швырнут в нас чем-нибудь. Интернет ответа о происходящем не дает, может, к полиции обратиться?

Младшие так запрятаны в броники и каски, что и не разберешь, где лицо. У старшего оно открыто: выражение раздраженное, взгляд острый. Светлокожий еврей, но вряд ли из постсоветских. Говорю по-английски:

– Извините, скажите, пожалуйста, здесь что-то случилось?

– ? Нет, ничего не произошло.

– А почему так много людей?

– ??? Просто они с молитвы возвращаются.

Ах, так ведь пятница сегодня! По пятницам мусульмане коллективно молятся! А мы как раз в арабском квартале! Как же я не подумал!

– А... а нам можно пройти?

– Да, пожалуйста. Разве вам что-то мешает?

Ну как сказать! Свободной дорожку точно не назовешь. Сам-то с пистолетиком и бронированной охраной стоишь.

Боязно. Мнемся перед патрулем.

– Скажите, а в Гефсиманию мы правильно направляемся?

– Куда-куда?

– Гефсимания (*произношу по-разному: Gethsemane, Gethsemeny*).

– Get some money?

Ты еще «сребреники» скажи! Тут уже и я раздражаюсь.

– Да какие money, Гефсимания!

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Серьезно?! Полицейский в Иерусалиме, который не знает про Гефсиманский сад? Но по его лицу видно, что не понимает он искренне: сейчас ему вообще не до шуток, да и не до нас.

– Ладно, спасибо, – завершаю я разговор, полицейский не отвечает, тут же выпускает меня из внимания.

* * *

В Иерусалиме все было так: я не понимал, не понимали меня... Полицейский – это ерунда, я, например, совсем не понял храм Гроба Господня.

Я изучал его в два прихода, но целостный образ так и не сложился. Бесформенный квартал снаружи, беспорядочные пределы внутри, шумный арабский рынок вокруг. Очень людно: лица перекошенные, фанатичные, неистовые. Я старался вчувствоваться; примостился на лавочке у людского потока, текущего через Голгофу, – лишь получил замечание служителя (кажется, грека): не перекрещивай ноги.

Кое-что из тех визитов я, однако, себе хорошо усвоил: храм не музей; в иных, конечно, попадают труды Джотто или, скажем, Микеланджело – эманации культа в сферу высокого искусства, но они все же не главное, а как бы побочный продукт. С тех пор по храмам я хожу осторожнее.

* * *

Из Тверии в Иерусалим мы ехали на автобусе. Почти вся дорога – серо-желтая, бесплодная, каменистая пустыня. По мере движения холодало: Иерусалим хоть и южнее Галилеи, но почти на километр выше Кинерета, климат на высоте резче и суше.

Маршрут делает петлю и подходит к воинской части – вошли солдаты. Веселые, шумные парни и девчонки. Все обязаны всегда быть при своем TAR-21 – никогда я прежде столько автоматов в обиходе не видел, в Галилее мне военные на глаза почти не попадались.

Часть маршрута пролегает через арабские поселения. Беднота. Мусор, грязь. Виднеются попытки наладить сельское хозяйство в пустыне при помощи допотопного инструмента. Малоуспешные. Водитель прибавил скорость: могут камнями забросать. Неуютно. Но присутствие в салоне вооруженных военных успокаивало.

Ближе к Иерусалиму у дороги стали появляться стоянки бедуинов. На первый взгляд – свалки мусора. Жилища эти кочевники сооружали из обрывков полиэтиленовых пакетов, клеенок-пленок, фанерок, обломков мебели. Ветер с расположенной выше оживленной трассы сушит вывешенные у «шатров» лохмотья... Зато передвигались бедуины на крутых внедорожниках – такие были припаркованы у каждого лагеря.

На одной из остановок в наш автобус сели два бедуина: бесформенная огромная тетка и щуплый старик. Женщина была одета в бурку, под одеждой точно что-то было спрятано: сумка? ребенок? На толстых пальцах – массивные золотые кольца, ярко-красный маникюр. Старик

– будто ушибленный, контуженный; джинсовая жилетка поверх грязной белой европейской рубашки, невнятного кроя штаны (может, просто велики ему на несколько размеров), старые белые кроссовки из искусственной кожи.

От них плохо пахло. Чем-то спирающим воздух: чем-то жирным, масляным. Козами? От этого становилось дурно. Меня слегка мутило уже после скачек на повышенных скоростях по арабским поселениям, а как вошли эти двое, то подступила совсем мерзкая тошнота. Но я сдержался.

В остальном доехали без приключений.

* * *

От сужения Дороги Львиных ворот до выхода из самих ворот 70 метров. Их надо преодолеть в плотной арабской толпе. Начали.

Толкотня, крики. Толпа – в основном мужчины; женщины тоже есть, но они смотрят под ноги. Мужчины же, заметив нас, глядят в упор. Пристально, не моргая. Есть на что: мы единственные белокожие и светлоглазые вокруг, я выше всех на полголовы, Тина – девушка с коротко стриженной, непокрытой головой.

Буровящие взгляды со всех сторон. Глаза черные-черные. Я не могу расшифровать арабскую мимику, не понимаю, что выражают эти лица; прямой агрессии в нашу сторону нет, но на дружелюбие это точно не походит.

В ворота толпу засасывает как в воронку. Острые глаза, острые локти, острые плечи со всех сторон. Начинаю орудовать руками; держу Тину впереди себя. Вот уже и локтями работать не удастся – давление такое, что руки можно держать лишь прижатыми к туловищу, лучше всего – к груди...

* * *

На следующий день осмотр достопримечательностей Иерусалима мы начали на горе Сион с могилы царя Давида. Находчивый и храбрый воин, олицетворение идеального царя, признаваемый тремя религиями пророк и просто красавец-мужчина! А гробница у него совсем скромная: занимает нижний, почти подвальный этаж здания. Туристов в тот час почти не было, зато заходили местные иудеи помолиться. Спокойно и без праведного надрыва, по-домашнему.

Непосредственно над могилой Давида, на втором этаже, – Сионская горница, место процессуальной пасхальной трапезы. Сюда уже успели набежать экскурсанты. Но зала вместительная – классическая готика, строилась и перестраивалась крестоносцами в XII–XIV веках. Можно сказать, новодел. Да вообще-то и подлинность Давида в подвале очень спорная.

А на крыше – башенка. Полумесяц сбит, но очевидно – минарет. Так и есть: в XV веке Иерусалим захватили турки и устроили в этом здании мечеть. Окончательно она тут утвердилась в 1520-е при Сулеймане Великолепном и просуществовала до 1948-го или около того – то есть до Арабо-израильской войны. Подлинность мечети вопросов не вызывает.

Помимо головокружительной мультикультурности меня в этой символической интерференции восхитило отсутствие помпы. Все исполнено скромно и сдержанно – с соседней улицы не заметишь, если не знаешь, куда идти. Израилю, как я понял, гигантомания не свойственна. Даже в постройках францисканцев или турок.

От Давида и Сионских ворот на юге мы прошли под стеной Старого города к восточному входу – тем самым Львиным воротам. Сегодня здесь никакого ажиотажа – можно рассмотреть. Большие, величественные – эффект усиливается, потому что поднимаешься к ним снизу из долины. Построены Сулейманом Великолепным. Слева и справа от входного проема красуется

по паре геральдических кошек – издали кажутся совсем маленькими. Только это не львы, а леопарды и к названию ворот отношения они не имеют.

Вход в город здесь был всегда. Хотя... в I веке Иерусалим с землей сровняли – что было до того, никто не знает. Но до турок ворота были точно: в конце XIII века доминиканцы дают развернутое описание (по современному им Иерусалиму!) евангельского Крестного пути на Голгофу, начиная его как раз от Львиных ворот. А затем францисканцы и вовсе размечают в городе Via Dolorosa (Путь Скорби): девять станций на улицах и пять в храме Гроба Господня. Короче говоря, снова крестносеческий новодел. Да и не только крестносеческий: церковь Бичевания (первая станция) и часовня Св. Вероники (шестая станция) перестроены все тем же Барлуцци.

Я поддался соблазну пройти по всем станциям. Первого порыва хватило до восьмой.

«И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем. Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, Ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! Тогда начнут говорить горам: “падите на нас!” и холмам: “покройте нас!” Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» (Лк.:27–31).

Мы снова оказались в сердце арабского квартала. Чуть за полдень; улицы наводнились людьми – шум, гам: здесь будто вечный базар. Солнце жарит, а взятая с собой питьевая вода закончилась. В памяти всплыли вчерашние приключения, нахлынула тревожность. Еще и голод прорезался.

Да, надо бы поесть. Но где? Точнее, еду продают на каждом углу, но это всё прилипчивые торгаши, которые, завидев приближающегося туриста, такой хай поднимают, что мне никакой еды уже не надо – сбежать бы поскорее. Да и потом, цены они называют кратно выше средних, а торговаться никаких сил уже не было. Мы устало брели в толпе, рассеянно вертя головами по сторонам, наполняясь раздражением.

Чтобы выдраться из людского потока, мы свернули в какой-то переулок. Остановились перевести дух. Справа – лавка-забегаловка. Решили: надо перестать дергаться и поесть здесь, несмотря на ценник.

Подавали хумус и фалафель. Внутри душно, к стойке очередь – только местные, арабы. За стойкой двое: старший накладывает и подает готовую еду, и рассчитывается с покупателем, младший управляет со сковородками и кастрюлями. Очередь двигалась быстро, вот уже стоявшая перед нами женщина с двумя детьми взяла мешочек сырых фалафельных котлеток, наверное, готовить сама дома будет.

– Две питы с фалафелем, пожалуйста! – по-английски с жестами попросили мы.

(Крутит головой по сторонам, разводит руками, поднимает вверх правый указательный палец.)

Что такое? А, кажется, закончились фалафельные заготовки, тетка последние унесла. Надо подождать? Ладно, подождем... Послал младшего за сырыми шариками.

Принялись рассматривать обстановку: места мало, в глубине помещения два столика – за одним ели еще молодой отец и сын-подросток, а может, братья они... Рядом с ними ширма, за ней виднеется проход. Видать, там еще один зал, но он был закрыт. Заглянула пара взмокших пожилых туристов: повертели головами, вышли. А вот и помощник с тазом: бросил шарики во фритюр.

– Две (показал пальцами)?

– Да (кивнули).

– 20 (снова на пальцах).

– Всего? Или за каждую?

Показал: ткнул в одну – 10, во вторую – еще 10. Так это удача! В округе в среднем по 14 шекелей питу продавали, а прямо за углом, где туристический поток набирает ход, так и по 18. Мы приняли из его рук по свертку и выскочили на воздух.

Надо было куда-то приткнуться, чтобы съесть купленное. Слева к двери на втором этаже поднималась наружная каменная лестница, на входе скромно завешенная цепочкой. Нам уже не до этих приличий: подлезли, уселись, вгрызлись в добычу. А вкусно! Слопали.

– Вот теперь получше! – приваливаясь плечом к каменной стене. – А кому это мы, интересно, лесенку тахиной закапали?

– Эм... тут крест... типа орденского, но вроде не францисканский и не бенедиктинский, – поднялся я на второй этаж, – какое-то миссионерское общество – не разберу, табличка вся поржавела. Ну что, сидим еще, отдыхаем?

– Я пить очень хочу, а воду мы купить, конечно же, забыли.

– А, да... Я тоже хочу пить. Ладно, пойдем. Может, до храма Гроба Господня доберемся.

* * *

Из Львиных ворот наружу Старого города толпа плещется как фонтан. Последний метр – миг – и можно дышать.

На нас больше никто не смотрит: все ищут глазами свои машины и автобусы – их припаркованы десятки, может, сотни вдоль всех обочин.

Спускаемся: Кедронская долина. Слева – кладбище, справа – кладбище; здесь будет вершиться Страшный суд; где-то тут геенна огненная. Сейчас всего лишь конец декабря, а здесь уже без всякой эсхатологии припекает – не спрятаться.

От стресса и солнечной активности ноги ватные.

* * *

В Иерусалиме всегда была то жара, то холод. В основном – холод.

Мы снимали маленькую комнатку на чердаке над баром. Хозяйка (и бара, и мини-гестхауса) – девушка чуть старше наших лет; русский у нее как наш (у Вани, например, акцент сильнее), хотя репатрировалась она еще в самом начале 90-х подростком (семья жила в Ленинграде) и с тех пор в России не бывала. В Израиле цены на алкоголь высокие, в кабаках – и подавно, потому внизу мы сживали всего пару раз (первый – с гостевой скидкой), оттого с хозяйкой виделись редко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.